

Пекин, новости о банкротстве семьи Пэй разлетелись мгновенно. Не успели они стихнуть, как на пороге объявились хищники, почуявшие запах крови. Они перегородили Пэй Лэ путь.

— Кто бы мог подумать, что некогда высокомерный молодой господин Пэй докатится до такой жизни? — Цзи Цанмин сжал подбородок Пэй Лэ, глядя на него с нескрываемой издевкой.

— Как бы ты ни задира л нос, раньше ты был лишь слугой в моем доме! — Пэй Лэ не собирался сдаваться.

Цзи Цанмин, бывший прислуга, а ныне директор крупной корпорации, невозмутимо любовался красивым лицом Пэй Лэ:

— Верно подмечено. Раньше ты был высоко над облаками, а я пресмыкался внизу. Но сегодня пришло время нам поменяться местами.

Мне нужно пятьсот тысяч.

Пэй Лэ сжал в руке карточку и, глубоко вздохнув, наконец постучал в дверь гостиничного номера.

Мужчина, обещавший вчера дать ему пятьсот тысяч, сидел на диване. Увидев Пэй Лэ, он на мгновение замер, словно не веря своим глазам, и даже потер их, чтобы убедиться, что тот самый красавчик из больницы действительно стоит перед ним.

— Господин Сун... Я пришел. Ваше вчерашнее обещание все еще в силе? Если я пересплю с вами, вы дадите мне пятьсот тысяч?

Господин Сун опешил, но быстро пришел в себя и закивал:

— В силе! Конечно, в силе! Ну что, красавчик, наконец-то решился?

Пэй Лэ залился краской и отвел взгляд:

— У меня условие: сначала переведите двести пятьдесят тысяч, а остальные деньги — после... после того, как закончим.

Господин Сун рассмеялся, обнажив неровные зубы:

— Не беспокойся, я переведу деньги на твой счет прямо сейчас... Да, кстати, мне нужно

принять звонок. Подожди меня на кровати, я скоро вернусь!

Сказав это, он вышел из номера. Закрывая за собой дверь, он добавил:

— И еще, у меня есть одна странная привычка, забыл предупредить: я не люблю заниматься этим при свете. Так что...

Не успел он договорить, как раздался щелчок, и комната погрузилась в полную темноту. Пэй Лэ инстинктивно сжался и зажмурился. Когда он снова открыл глаза, его чувства уже немного успокоились.

Ждать пришлось недолго. Дверь снова отворилась, и в комнату ворвался тот же резкий запах парфюма. Мужчина, в отличие от прошлого раза, молчал.

Пэй Лэ помедлил и тихо спросил:

— Господин Сун, вы закончили разговор?

Неизвестно, какое именно слово вывело мужчину из себя, но господин Сун, который до этого казался вполне добродушным, в одно мгновение преобразился. Он сделал несколько шагов вперед, схватил Пэй Лэ за воротник и с силой дернул. Раздался треск — пуговицы на рубашке разлетелись в стороны.

Пэй Лэ за всю свою жизнь никогда не сталкивался с подобным. Он испуганно вскрикнул, пытаясь закрыться руками и отступить назад.

Мужчина навалился на него всем телом и, высвободив руку, хриплым голосом спросил:

— Лишь бы получить деньги, ты готов лечь под любого? Неважно, мужчина это или женщина, старик или юнец, красавец или урод?!

Пэй Лэ пытался сопротивляться, но, услышав упоминание денег, тут же обмяк и тихо пробормотал:

— Нет... не под любого. Я хотел только с вами, господин Сун.

Это был идеальный ответ. Пэй Лэ заранее решил, что будет закрывать глаза и хвалить партнера, лишь бы тот остался доволен. Он просто представит, что его укусила собака.

Однако ход мыслей этого господина Суна явно отличался от обычных людей. Услышав ответ, он не обрадовался, а лишь холодно усмехнулся:

— Правда?

Когда Пэй Лэ снова открыл глаза, за окном уже вовсю светило солнце.

Мужчины и след простыл. Чистое тело, аккуратно сложенная одежда на тумбочке... Если бы не уведомление в телефоне о зачислении пятисот тысяч и синяки по всему телу, Пэй Лэ мог бы решить, что все случившееся прошлой ночью было лишь сном.

Пэй Лэ тряхнул головой, отгоняя лишние мысли, поспешно оделся и выбежал из отеля. Его ждали. Ждали, когда он принесет деньги...

Больничная палата была забита дальними родственниками семьи Пэй.

До краха семья Пэй была известным и влиятельным домом, так что большое количество родни не удивляло. Удивляло другое: с тех пор как отец Пэй Лэ обанкротился, эти люди старались держаться как можно дальше. Почему же сегодня они все разом собрались здесь?

Пэй Лэ вздрогнул, дурное предчувствие кольнуло сердце. Он пробился сквозь толпу к койке отца.

Старый дворецкий, дядя У, увидев Пэй Лэ, бросился к нему:

— Молодой господин! Где вы были всю ночь? Почему только сейчас вернулись? Господин... господин скончался...

В голове Пэй Лэ словно прогремел взрыв. Больничная койка была пуста. Того самого родного силуэта, который всегда лежал здесь, больше не было.

Кто-то из родственников заметил синяк на шее Пэй Лэ, выглядывающий из-под воротника. Заметив это, он понимающе усмехнулся и толкнул локтем соседа, указывая на шею парня.

Слух распространился мгновенно. В шумной толпе кто-то не выдержал и съязвил:

— Надо же, собственный отец умирает, а у него еще есть силы бегать и крутить шашни с бабами. Тц-тц-тц...

Другой, стоявший ближе, принялся:

— Ха, ты ничего не понимаешь! С такой внешностью, как у нашего молодого господина Пэй, какие там бабы? Скорее, он с мужиками крутит! Ха-ха-ха!

Толпа взорвалась едким хохотом.

Дядя У, услышав это, почернел от гнева. Он бросился к сплетникам:

— Как у вас язык поворачивается такое говорить? Господин только что скончался, а вы решили, что раз семья Пэй разорена, а молодой господин еще мал, то можно его травить? Вы просчитались!

Пэй Лэ остановил дядю У и, подавляя ярость, произнес:

— Кто хочет остаться, чтобы почтить память отца, — пожалуйста. Остальным, независимо от причин, предлагаю уйти и прийти в другой раз. Дядя У, проводите гостей!

Пэй Лэ с детства жил в роскоши, был избалован, а потом отец отправил его учиться за границу. С этими родственниками он не виделся много лет, и, не зная, чего от него ожидать, никто не решился перечить. Группа кредиторов шумно покинула палату, оставив их вдвоем с дворецким.

— Молодой господин, — вздохнул дядя У, — это все кредиторы. От них не спрятаться. Что будем делать?

Пэй Лэ изучал за границей финансы, и, казалось бы, должен был разбираться в долгах. Но последние пару лет он лишь прожигал жизнь, посещая вечеринки и заводя друзей, а не учился.

Он опустил голову:

— Остальное потом. Сначала нужно организовать похороны отца.

К счастью, у Пэй Лэ оставались те самые пятьсот тысяч. Похороны прошли достойно. Но в день выноса тела в дом Пэй снова нагрянула толпа. Словно сговорившись, они заблокировали гостиную и потребовали немедленного возврата долгов.

Раньше Пэй Лэ не стерпел бы такого и пошел бы напролом, но сейчас времена изменились. Ему пришлось проглотить обиду и позволить дяде У выпроводить кредиторов, пообещав им разобраться после похорон.

Когда страсти накалились до предела, во дворе вдруг послышался шум. Пэй Лэ, сидевший на диване с раскалывающейся головой, не хотел обращать внимания, но дядя У вышел проверить. Не успел он пробыть снаружи и десяти секунд, как Пэй Лэ услышал его возмущенный крик:

— Ты... ты еще смеешь сюда возвращаться?!

Пэй Лэ встал и направился к выходу. У самых дверей он услышал до боли знакомый голос:

— А почему бы мне не вернуться? Я слышал, господин Пэй скончался. Как младший, я обязан отдать дань уважения.

Этот голос...

Пэй Лэ не мог забыть ту ночь в отеле три дня назад. Он не мог забыть этот голос. Почему он здесь?

Дядя У, увидев Пэй Лэ, указал на мужчину:

— Молодой господин, у этого негодяя еще хватает наглости приходить! Подождите, я его вышвырну!

Пэй Лэ наконец увидел лицо мужчины. Это был не господин Сун из отеля. Это был...

— Ты?! — вырвалось у Пэй Лэ.

Оба — и он, и дядя У — были в шоке, но по разным причинам. Дядя У был поражен, увидев Цзи Цанмина, которого семь лет назад выгнали из дома за попытку посягнуть на молодого господина, а теперь тот вернулся в зените славы.

Пэй Лэ же осознал, что человек, с которым он переспал три дня назад, — это Цзи Цанмин.

Цзи Цанмин уловил перемену в лице Пэй Лэ. Он подмигнул ему, и в его голосе зазвучали насмешливые, угрожающие нотки:

— Что такое? Не пригласишь меня войти?

Семь лет превратили Цзи Цанмина в человека, близкого к совершенству. Костюм от Armani на солнце отливал серебром, четкие черты лица и глубокий взгляд отделяли его от того нищего мальчишки из прошлого.

Он больше не сын слуги семьи Пэй, не безотцовщина, над которой все смеялись. Он больше не мой, — с печалью подумал Пэй Лэ.

Цзи Цанмин, видя, что Пэй Лэ молчит, не перестал улыбаться, но интонации изменились:

— Забыл... Какие мы теперь старые знакомые, правда, молодой господин Пэй?

У Пэй Лэ внутри все похолодело. Боясь, что тот расскажет о той ночи, он выдавил из себя:

— Ты... проходи.

Дворецкий попытался преградить путь:

— Молодой господин, вы забыли, что он сделал?! Когда господин выгонял его, он запретил ему переступать порог дома Пэй!

Пэй Лэ посмотрел на Цзи Цанмина:

— Дядя У, раз он пришел почтить память отца, пусть поставит палочку благовоний и уходит.

Не успел дворецкий возразить, как Цзи Цанмин уже вошел в дом. Телохранители, следовавшие за ним, захлопнули ворота и встали на страже, никого больше не впуская.

— Что вы делаете? Это дом семьи Пэй! Не смейте бесчинствовать! — закричал дворецкий на главного охранника.

Тот лишь бросил на него холодный взгляд:

— Дом семьи Пэй? Боюсь, это ненадолго.

Как только ворота закрылись, Пэй Лэ изменился в лице и яростно набросился на Цзи Цанмина:

— Цзи Цанмин, что ты творишь?!

Цзи Цанмин, не глядя на него, взял палочки благовоний, поджег их и воткнул в курильницу перед портретом отца Пэй Лэ.

Отрезанные от внешнего мира, они остались вдвоем в старом особняке. На мгновение Пэй Лэ показалось, что он вернулся в прошлое, когда он был всеобщим любимцем, а Цзи Цанмин — его личным слугой, исполняющим любое слово как приказ.

Пэй Лэ схватил Цзи Цанмина за воротник:

— Хватит притворяться! Ты знал, что отец в больнице? Тот господин Сун — это твоих рук дело? Ты смотрел, как отец умирает, а теперь пришел поклониться? Перед кем ты разыгрываешь этот спектакль?!

Цзи Цанмин не разозлился. Он лениво взглянул на Пэй Лэ:

— Если говорить о спектаклях, то кто сравнится с молодым господином Пэй? За деньги готов отдаться любому, а потом еще и стонать, как тебе хорошо. Тц, такую актерскую игру я не потяну.

Пэй Лэ побледнел. Он отступил на несколько шагов, не веря своим ушам:

— Это был ты... Господин Сун в больнице... он оплатил счета... он сказал, что даст денег, если я пересплю с ним... это все подстроил ты! Ты хочешь отомстить мне... отомстить отцу... отомстить семье Пэй...

Цзи Цанмин с удивлением посмотрел на него:

— Месть? Тратить пятьсот тысяч, чтобы отомстить тебе? Молодой господин Пэй, ты слишком высокого мнения о себе.

Пэй Лэ стал еще бледнее.

Цзи Цанмин закончил поклоны и, глядя на портрет отца Пэй Лэ, вонзил еще один нож в сердце парня:

— Впрочем, я действительно пожалел. Знал бы, что молодой господин так легко дается, не платил бы пятьсот тысяч. В конечном счете, эта сделка оказалась выгодной для тебя. Поздравляю.

Пэй Лэ никогда не думал, что Цзи Цанмин когда-нибудь скажет ему такое. Эти слова втоптали его достоинство в грязь. Пэй Лэ сжал зубы, глядя на Цзи Цанмина с самоиронией:

— Я и не знал, что ты меня так ненавидишь.

Цзи Цанмин на мгновение задумался, а затем произнес:

— Пэй Лэ, я не ненавижу тебя. Я просто хочу, чтобы ты понял...

— Что понять? — спросил Пэй Лэ.

Цзи Цанмин перевел взгляд на портрет отца Пэй Лэ:

— Господин Пэй всю жизнь торговал, но после смерти не обрел покоя. Это напоминает мне одно слово.

— Какое? — спросил Пэй Лэ.

— Возмездие, — ответил тот.

Гнев Пэй Лэ вспыхнул с новой силой. Пусть он оскорбляет его, но говорить такое об усопшем, который к тому же был к нему добр...

— Цзи Цанмин, я не знаю, что у тебя было с моим отцом, но он был твоим старшим и сделал тебе много добра! Как ты смеешь так о нем говорить? Не боишься, что он придет за тобой с того света?!

Цзи Цанмин рассмеялся, словно услышал нелепую шутку:

— Я не знаю, что было с ним? Нет, Пэй Лэ, никто не знает лучше тебя, что произошло той ночью...

Он медленно повернулся к Пэй Лэ:

— Я бы хотел узнать, каково это — когда мертвецы приходят по твою душу. Пэй Лэ, может, ты сможешь мне это устроить? Раздевайся.

Пэй Лэ замер.

Цзи Цанмин сверлил его взглядом:

— Не расслышал? Повторяю: раздевайся.

Дыхание Пэй Лэ участилось, кулаки сжались:

— Ты сошел с ума...

Цзи Цанмин усмехнулся:

— Наконец-то решил дать сдачи? Ты так долго терпел с тех пор, как я вошел. Я думал, ты повзрослел, а ты все такой же вспыльчивый.

— Цзи Цанмин, ты животное! Тетя Цзи знает, что воспитала неблагодарную тварь?

Лицо Цзи Цанмина слегка изменилось, в уголках губ заиграла насмешка:

— Я никогда не забуду той доброты, что господин Пэй проявил к нашей семье. Жаль, он ушел слишком рано, я не успел отплатить добром. Так что... пусть эта благодарность перейдет к его любимому сыну!

Он говорил о благодарности, но в его глазах леденел холод. Пэй Лэ пятился, пока не уперся спиной в деревянный стол. Бежать было некуда.

— Раньше ты был любимым сыном, а теперь — лишь игрушка в руках сына слуги. Пэй Лэ, как думаешь, что чувствует твой отец, глядя на это с небес?

Пэй Лэ безумно мотал головой:

— Нет, нет, Цзи Цанмин, ты не так мне говорил!

Когда маленький Пэй Лэ впервые встретил Цзи Цанмина в годовщину смерти матери, тот, будучи на год старше, сказал ему под грушей: «Не стоит скорбеть об ушедших, ведь они нас не слышат». Эти слова стали для Пэй Лэ истиной.

Цзи Цанмин улыбнулся:

— Не ожидал, что ты помнишь. Мертвые ничего не чувствуют, поэтому живым не стоит скорбеть.

Воспользовавшись замешательством Пэй Лэ, Цзи Цанмин сорвал с него пиджак, расстегнул пуговицы рубашки, обнажив тело, нежное, как лунный свет. Он погладил Пэй Лэ по волосам:

— Но я ошибся, Пэй Лэ. Мертвые никогда не уходят. Они всегда рядом, словно тени.

Не успел он договорить, как Пэй Лэ с силой развернули и прижали к столу с поминальными табличками.

Цзи Цанмин обнял его за талию, шепча на ухо:

— Если хочешь, чтобы отец слышал, кричи громче.

Пэй Лэ отчаянно сопротивлялся, пытаясь вырваться из этого кошмара.

— Лэ Лэ, ты больше не молодой господин Пэй. Все, кто баловал тебя, либо мертвы, либо ушли. Тебе пора измениться, иначе однажды ты жестоко поплатишься.

— Лэ Лэ... — только и успел сказать Цзи Цанмин, как Пэй Лэ схватил с алтаря красную свечу и с силой ударил ею по лицу Цзи Цанмина. Воск брызнул в глаза мужчине.

Цзи Цанмин взвыл от боли и отступил. Пэй Лэ, обессиленный и обнаженный, сидел перед алтарем, сжимая в руках горящую свечу, его лицо искажал ужас.

Цзи Цанмин прикрыл рукой раненую часть лица. Он стоял в нескольких метрах, застыв на мгновение, а затем вдруг рассмеялся.

Это был первый раз за семь лет, когда Пэй Лэ слышал настоящий смех Цзи Цанмина, но он понимал: это не радость. Напротив, Цзи Цанмин был на грани срыва.

<http://bllate.org/book/21432/2190019>